

АЛЕКСЕЙ ИГНАТОВ

ИСПОВЕДЬ СОЛДАТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Игнатов
Исповедь солдата

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Игнатов А.

Исповедь солдата / А. Игнатов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Реальные события повести разворачиваются в середине 90-х годов XX века – в период упадка российской армии и расцвета неуправляемой дедовщины. Места действия: элитная дивизия, базирующаяся в Московской области, и Чеченская Республика во время первой военной кампании. Как и тысячи молодых ребят, герой книги Алексей присягнул служить Отчизне, а на деле отдал свои душу и тело на потеху озлобленным дедам и равнодушным офицерам. Садизм, разочарование, надежды, боль, война, романтика, любовь, госпиталь, горы, справедливость, смерть, гауптвахта – всему нашлось место в жизни героя. Повесть целиком автобиографична. Имена персонажей изменены на вымышленные. Содержит нецензурную брань.

Алексей Игнатов Исповедь солдата

Безудержная сила выжить рвёт моё сердце,
Безудержная сила выжить сжимает голову в тиски,
Безудержная сила выжить выматывает душу,
Безудержная сила выжить, не уходи.
Мне без тебя не выжить, ты силы мне экономишь,
Адреналин зашкаливает в сто крат,
Свои эмоции я заберу с собою
Для убеждения, что я выживший солдат...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

День выдался пасмурным, да и понятно, почему: на дворе – середина ноября, 15-е число. Оно было так далеко, но наступило так быстро...

Я всё лето работал и отдыхал в поселке Солотча и, честно говоря, служить в армии не собирался. Многие мои друзья уже «откосили» либо скрываются от службы в армии, да и я особо не торопился. Но, хорошо подумав, я решил, что служить надо: «А то как потом деду и отцу в глаза смотреть буду?» К тому же после выхода указа президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина срок службы уменьшился на 6 месяцев. И полтора года наверняка пролетят незаметно, мне будет даже полезно. Да и мой лучший друг Серёга к тому времени уже прослужил полгода. И я начал психологически готовить себя к большим трудностям: стать солдатом и служить, как полагается, в рядах российской армии. Я поехал в военкомат, где получил повестку на 15 ноября.

...«Вставайте, Алёша», – сказала нам мама. Сразу мы встать не могли, да и не хотели, так как это было последнее утро, проведенное вместе. Из объятий Светы мне не хотелось уходить. Мы познакомились в Солотче. Вместе работали в баре: она официанткой, а я охранником. Она стала близка мне как в духовном, так и в физическом плане. Светка была опытной девушкой, старше меня на целых 10 лет. Но разницу я не замечал, так сильно её аппетитные формы манили 18-летнего юнца: она делала со мной всё, что позволял представить мой молодой извращённый ум.

Последний утренний секс зарядил меня на следующие полтора года. Я встал, умылся – завтрак уже был на столе.

Мама достала из холодильника начатую бутылку водки и поставила её на стол. Ужасно раскалывалась голова – то ли от похмелья, то ли от того, что мало поспал. Подумал, что пить не смогу, но в такой безвыходной ситуации я всё-таки выпил стопку, закусил огурцом и колбасной нарезкой, оставшейся после проводов в армию. С отцом ещё выпили, покушали – наверное, жор напал, не иначе...

Мамка со Светкой смотрели на меня как на маленького ребенка – так жалостливо, что самому захотелось плакать. Отец сидел рядом и поучал, как нужно себя вести и давать сдачу, а я его не слушал, только пил водку и закусьвал. Думал об одном: к 9 часам я должен приехать в призывной пункт, ведь гулять на гражданке мне оставалось совсем немного. Удивительно, но я почему-то не переживал и не нервничал, на душе была просто пустота, и всё.

После утреннего похмелья я оделся. Для меня уже было приготовлено модное спортивное трико с нашивкой «Montana», с зелено-красными лампасами, и легкая фуфайка.

Проводы были в один день с Геной Крючковым. Мы с ним учились в одном классе, призывали нас в одну команду (220-ую), да ещё и жили мы в одном подъезде. Вместе с нами был и весь наш дружный пацанский школьный класс.

В 08:30 к нам подошли друзья. Мы выпили, присели на дорожку и шумной гурьбой поехали в военкомат. Ехали в автобусе, пели песни, пили водку. Было весело и шумно. Мы

мечтали о спокойной службе, и дедовщина, о которой в то время много говорили, казалась нам «по барабану». Но всё оказалось совершенно по-другому. В военкомат всех нас, призывников, запустили и больше оттуда не выпустили, а родственники и друзья остались за большим забором. Нас было около 40 человек: одни шатались по казарме, другие втихую выпивали.

Мы с Генкой решили перелезть через забор и метнуться на волю за водкой для поднятия себе настроения. Хорошо, что для этого была лазейка. После десятиминутной самоволки мы зашли в казарму с двумя пузырями и спрятали их в пакеты. В отдельной комнате сидел фотограф, который делал снимки за 50 рублей и надевал на всех камуфляжную форму и зеленые береты. Очередь была огромная, и мы попались на эту удочку. Нам обещали выслать фотографии, но ни родители, ни я не получили их – вероятно, пленки в фотоаппарате просто-напросто не было.

Спиртное мы решили отложить на время переезда до части, но до какой конкретно и сколько до нее, мы, разумеется, не знали. Местные офицеры приказали нам сидеть тихо и ждать наших «покупателей», то есть мы, получается, выполняли роль «товара». Мы просидели около 8 часов в полной неизвестности. Многие успокоились, кто-то даже спал и храпел, а мы с Генкой сидели и грустили, не зная, что ждет нас завтра. Было даже страшно, как-то не по себе.

После приказа нас всех построили. Но, как только назвали наши фамилии и стали разделять, случилось непредвиденное – Генки в моем списке не оказалось. Мы подошли к какому-то офицеру с двумя большими звездами на погонах и попросили о зачислении нас в одну команду. Выслушав, он сказал, что сделать это невозможно. Мы начали прощаться. Генку отпустили обратно домой до следующего призыва, а я провожал его грустным взглядом, ведь он был единственной связующей ниточкой между мною и Рязанью, а теперь я лишился и этого. Сказать, что у меня не было настроения – это не сказать ничего, в душе – только паника и плохое предчувствие по поводу предстоящей службы. И тут я вспомнил о двух бутылках водки, которые мы с моим близким другом так и не успели распить. Одному пить не хотелось, да и, честно говоря, в горло уже не лезло. Я подошёл к какому-то морячку-контрактнику, который чего-то ждал, сидя в казарме с нами, и протянул ему пакет с водкой. Он посмотрел, улыбнулся и пожелал мне удачи.

Нас, оставшихся, построили и сказали, что служить мы будем в Москве в дивизии оперативного назначения им. Ф.Э. Дзержинского (ОДОН). Я даже немного обрадовался, так как всегда хотел служить в элитной части. На вокзал Рязань-1 мы пошли пешком, до него было не очень далеко.

Сильная метель заметала следы моего детства, и назад дороги не было.

Со стороны мы смахивали на пленных – одетые в старую одежду, одинокие, брошенные, никому не нужные. В ожидании электрички я сходил на вокзал и позвонил с таксофона родителям. Трубку подняла мама, и, услышав мой голос, расплакалась. Мне пришлось её успокаивать. Я говорил, что служить буду в Москве, что скоро увидимся. После разговора побежал на поезд.

В электричке до Москвы все ехали тихо, уже протрезвевшие, и каждый думал о чем-то своем. Я сел у окна и смотрел на пролетающую мимо меня природу, метель. С этими мыслями, под стук колес, я задремал, положив голову на стекло. Мне показалось, что я спал около 40 минут, но, приоткрыв глаза, увидел яркие фонари Казанского вокзала. «Вот и Москва», – подумал я, и не спеша пошёл к дверям.

На вокзале нас всех пересчитали и повели к машинам. Это были военные УРАЛы – чистые, мытые, с изображением красивой пантеры на дверях. Мы расселись по машинам, и нас повезли в часть. По поводу сохранности багажа я не переживал, так как, кроме принадлежностей для чистки зубов, у меня с собой ничего не было. Ехали уже в ночь. Шёл и сразу таял снег, была ужасная слякоть, а на душе ещё хуже. Хотелось выпрыгнуть из машины и бежать, бежать от этой пугающей неизвестности. Кто-то начал спрашивать у сержанта о службе, о

еде, о дедовщине, но тот молчал, а затем коротко буркнул «Сами всё увидите» – ведь для него мы были абсолютно чужими людьми, и, разумеется, никакой жалости он к нам не испытывал. Я сидел и молчал, хотя вопросов было очень много, но, как в пословице, «молчи – за умного сойдешь». Я не хотел выглядеть испуганным и растерянным, в отличие от задававших вопросы ребят.

Спустя сорок минут дороги, за огромным красивым забором появился большой микро-район. На крыше пропускного пункта красовалась белая металлическая пантера в черном треугольнике – именно такую нашивку я видел у сержанта на бушлате левого рукава, она мне очень понравилась. Дивизия оказалась большой, везде было чисто и аккуратно. Бойцы ходили строем, и никаких лишних движений. Но, к моему глубокому сожалению, всё вдруг резко изменилось, моему спокойному настроению пришёл конец.

Нас высадили из машин, построили в колонну по три и куда-то повели. Я иду и ужасаюсь. Со всех сторон раздались крики: «Духи! Вешайтесь, вы попали в ад!» – от этих слов бежали мурашки по коже, а я ведь взрослый мужик. На меня никогда раньше не было такого психологического давления. Я был в шоке, не ожидал такого... Под эти крики мы дошли до Дома офицеров, напомнившего мне Театр драмы в моем родном городе Рязани. Возле него уже собралась толпа – это были такие же молодые ребята, как и я, только из других российских городов. Перед нами в большом зале выступал офицер. Я тогда плохо разбирался в званиях, но, как потом выяснилось, это был полковник из Генерального штаба. Он рассказывал, как у них в дивизии всё хорошо, что проблем со службой не будет, что призвали нас на полтора года. С этого дня пошёл отсчет времени службы, то есть оставалось примерно 547 дней и ночей. Соответственно, был выбор – где и кем служить. Если ты баянист, то тебе прямиком в музыкальную роту. Если ты водитель, то в гараж. Если ты спортсмен, то в специальное подразделение.

Я встал перед выбором, в какой роте служить. Так как всю свою сознательную жизнь я посвятил спорту (классическая борьба, хоккей и основное направление – гребля на байдарке, где я достиг серьезных успехов), то решил попробовать попасть в спецроту.

В зале стояли сержанты из разных рот, которые отбирали себе матёрых и выносливых ребят. Я сразу увидел двух спортивных парней, причем в красивых серо-белых камуфляжах, которых ни у кого не было из присутствующих там. Я подошёл к ним и выразил желание попасть к ним в роту. В ответ они расспросили меня о том, каким видом спорта я ранее занимался. Сами они служили в спецподразделении «Витязь» – я слышал о «витязях» ещё на гражданке и мечтал попасть туда, но не ожидал увидеть их здесь. Сержанты рассказали о трудностях службы, о специальной физической и моральной подготовке. Мне пришлось пройти 15-минутный тест на выносливость, а именно: отжаться от пола 50 раз, покачать пресс 30 раз, в стойке помахать руками и ногами. Но без специальной подготовки и после двухдневного похмелья я провалил тест. После такой физической нагрузки я почувствовал, что мой организм полностью истощился: я побледнел, в глазах всё поплыло и помутнело, меня резко затошнило, дыхание сбилось, закружилась голова. Я очень хотел попасть в это подразделение, но один сержант одобрил меня, а другой забраковал. Я подумал и решил, что здесь надо просто плыть по течению. Меня записали, как выяснилось позже, в 3419-ю часть 4-го полка, хотя на тот момент мне уже было всё равно, единственное желание – доползти бы до кровати.

Сделали фамильную переключку и куда-то повели. На улице было темно, только кое-где горели фонари. Куда меня ведут, я не знал, военный городок казался мне огромным. Мы подошли. На четвертом этаже казармы находилась рота. Нам сказали: «Ложитесь пока, куда хотите, завтра разберёмся». К нам подходили уже служивые, узнавали, откуда мы родом и кричали: «Духи, вешайтесь!» Потом я узнал, что это были полуголки.

Я прилег на кровать с ощущением того, что мы – неоперившиеся воробьи, вокруг которых летают стервятники. На тот момент мне были неизвестны причины их озлобленного состояния, но они реально хотели нас порвать. Да и мое спортивное трико уже кто-то забил, хотя мне

было уже всё равно. В глубине души я переживал только за то, чтобы это не продлилось на всю ночь, потому что уж очень хотелось спать. После команды «Отбой!» все куда-то разбрелись, и стало так тихо, как дома. Разумеется, мы спали на голых матрацах и подушках, прямо в одежде. Я засыпал с мыслью об этом бардаке: что ждет меня, как сложится моя служба – и на душе было хреново... Мне казалось, что я вот только-только закрыл глаза, как вдруг пронзительный возглас «Подъём!» вывел меня из спокойного состояния сна. Нас не торопили. Мы потихонечку встали, обулись и пошли умываться. Конечно, подъем в 06:00 утра меня пугал, и полтора года мне стали казаться вечностью. Один из сержантов приказал нам взять «мыльно-рыльные» принадлежности и идти в баню. Нас оказалось 25 человек. Мы построились в колонну по двое и просто пошли, как на прогулку. Сержант на нас гаркнул: «Бычьё! Нога в ногу! Лафа кончилась». Мы от такой неожиданности стали подстраиваться друг под друга, мешкая ногами и опустив головы вниз, чтобы не сбиться с шага. Сержант вел себя по-деловому, покрикивал на нас. Вокруг снова раздавались те же крики: «Духи, вешайтесь!» – но я уже смирился с этим и пропускал всё мимо ушей, хотя и было неприятно.

Баня находилась в ужасном состоянии: черные, облезлые от влажности стены с грибком, тусклый внутренний свет, покрашенные краской окна. Вскоре мы разделись. Всю нашу гражданскую одежду бросили в одну кучу и выдали военное обмундирование. В бане было 6 кранов, 3 из которых – холодные, и 3 – горячие. Вначале необходимо налить холодную, а затем горячую воду, чтобы не ошпариться. Воду набирали в тазы. Пока выходишь из общей очереди, воды уже оставалась половина, так как возле кранов была толпа – все лезли, стараясь побыстрее закончить, ведь ориентировочное время на мытье было около 20 минут, не больше.

Помывшись кое-как, хоть и не грязные, мы выходили в раздевалку. После мытья кто-то не досчитался денег, часов, и это неудивительно. Я спокойно оделся и ждал, ведь воровать у меня было нечего. Оделись в новую военную форму, успев перед мытьем в бане зайти на вещевой склад. Сержант показал, как завязывать портянки, но сразу, конечно, мало кто понял, и пришлось одевать по наитию. Мне повезло в том плане, что мои размеры были стандартные, и выглядел я как огурчик. Ну а те, кто был не по росту, худой или толстый, выглядели очень смешно. Вместе с формой мы получили нашивки, кокарды и петлицы. Пошли в казарму, где полностью можно было перешить и подогнать одежду под свои размеры.

Позже выяснилось, что я попал в минометную батарею, хотя в нашей общей казарме находились ещё две роты: разведки и специального назначения. Два дня мы учились шить и подшивать подворотнички, нашивки, всю одежду (от сапог до шапки) и ставили клейма во избежание путаницы. Нас обучали вязать портянки, заправлять постель и складывать одежду при отбое. В общем, привыкали к армейским будням. Нас, молодых, особо не напрягали, подъемы и отбои за 45 секунд отсутствовали. Питание было, конечно, не домашнее, но вполне меня устраивало, а дедовщиной даже и не пахло. Так я и начал «плыть по течению», думая о спокойной размеренной службе. Но в глубине души я сомневался и задавался вопросами: «По мне ли это спокойствие?», «Что я хочу получить от этой службы?» Так я по своему желанию оказался перед выбором: либо в карауле и в нарядах по столовой, либо в группе специального назначения с краповым беретом. Конечно, мой выбор пал на мужскую романтику, спецназ, о котором я всегда мечтал, и желал «служить – так служить». Я настолько был воодушевлен показательными примерами этого рода войск, что мне волей-неволей захотелось туда попасть. У сержантов была красивая пятнистая форма, которую я видел только у бойцов подразделения «Витязь», а впоследствии увидел, что и все деды этой роты одевались аналогично. Позже мне стало известно о красивом названии спецподразделения («Кондор»), имевшего свой резной жетон – это то, о чём я мечтал.

Постепенно я узнавал зачисленных ранее ребят, а также офицеров и их порядки. Сержант роты произвел на меня большое впечатление. Во-первых, он имел краповый берет – для спецов это высшая награда, заслужить которую можно было, выполнив какую-либо сложную задачу,

и, во-вторых, он отличался своими физическими и бойцовскими качествами. Я и двое моих сослуживцев решили подойти к офицеру роты, лейтенанту Гусеву. С каждым из нас он беседовал, спрашивал про род занятий, про семью (кто родители, наличие братьев и сестер). Офицер рассказал о трудностях несения службы, но меня это не останавливало – я был настолько опьянен этой романтикой, что готов был пойти на всё. Мое желание сбылось: нас троих записали в группу специального назначения (ГСН). Мы перешли в расположение роты. Моя кровать находилась на первом ярусе, чему я был очень рад. Знакомство с новыми сослуживцами прошло быстро и без проблем. Я был счастлив от мысли служить во благо дивизии и страны. Я хотел свернуть горы, чтобы стать настоящим мужчиной, военным профессионалом.

Утро в ГСН началось с дикого вопля «Подъем!» Сержант с бешеными глазами стал орать и подгонять нас кожаным ремнем, как будто мы скотина, и махал им над нашими головами. Те, кто не успевали собраться, получали бляшкой по заднице, а вслед – крики «Бычьё!» Разумеется, в такой суматохе надеть форму, да ещё и свою, было сложно. Сержант громко кричал, а мы, молодые юнцы, толкались жопами, как куры в курятнике перед забоем. На туалет, где образовалась длинная очередь, и умывание дали всего лишь две минуты, – и бегом на взлетку, построение на зарядку. Опоздавших ждало наказание – 50 отжиманий и куча всяких оскорблений.

Со стороны мы выглядели полными оборванцами, смешно и неопрятно, ведь одеться и обуться в таких условиях оказалось сложно. Сержант бесился, покраснел от злости, начал тыкать, указывать на наши недостатки и обещал сделать из нас людей. Он дал ещё минуту на приведение в порядок своего внешнего вида и потом стал воспитывать, как должен жить боец в роте спецов. Смысл этого понятен. Наше подразделение – это элита 4-го полка, все остальные – отстой, или, по-нашему, гансы. Почему такое наименование, я не знаю – возможно, из-за неопрятного внешнего вида (что духи, что деды), за исключением нескольких приближенных к столовой и складам. Гансы всегда ходят в наряды по полку и хуже всего по столовой – благо, что наша рота от этого кошмара полностью освобождена.

Мы стояли, открыв рты, как под гипнозом, а он продолжал оскорблять и унижать нас. Конечно, я злился, но, как оказалось, это была мера психологического воздействия для заточки в нас злости и грубости. Задача подразделения – сделать из нас зомби, беспрекословно выполняющих офицерские приказы и приказы старшего, а также сформировать сплоченность в нашем коллективе, чтобы друг за друга стояли стеной. И если хоть кто-то из нашего призыва получит по голове от чужих или (что ещё хуже) потеряет шапку или ремень (а он был кожаный только у нас), то тогда держись! Но за одно утро этому не научишь, и поэтому будем это всасывать через пот и кровь.

Мы перевели дух. На какое-то время сержант замолчал, но ненадолго, резко дав приказ «Построиться!» возле казармы для проведения утренней зарядки. Я стоял и думал о том, что это обычная процедура, и физо нам точно не помешает, ведь служба есть служба. Сержант стал нас пристально рассматривать. Я понял, что здесь что-то не так, и замандражировал. Он спокойно объяснил, как проходит зарядка в подразделении, что нужно осваивать практику. Мы построились в колонну по три, вперед встали все те, у кого рост 190 см и выше. Я был в середине. Такое обязательное построение нам было непонятно, но сержант быстро объяснил, что когда наша рота бежит по военному городку, то и другие роты со всей дивизии бегут, и зарядка в одно время. Смысл заключался в том, что если нам навстречу бежит другая рота и не сворачивает, то и нам нельзя этого делать, и получалась стенка на стенку. А когда расстояние между ротами уменьшалось, а скорость увеличивалась, то первые в колонне бойцы с поднятой ногой пробивали защиту противника, и начиналось месиво, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Главное – держаться вместе в кучке, прикрывать спины друг друга, и тогда возможен успех. Но главный смысл – это остаться с минимальными побоями и в своей

одежде, так как пропажа или потеря её приведет к нервному стрессу и к большим физическим нагрузкам, иначе сержанты «съедят».

Мой первый опыт прошёл успешно, хотя я испытал сильный стресс от неизвестности. Я успокаивал себя хотя бы тем, что моё место в колонне, слава Богу, не в первых рядах. Тем не менее, сердце разрывалось от напряжения, волнения и страха. Когда произошло столкновение, я не мог понять, что и как. Если махать руками, то не уследишь за шапкой, а держаться за шапку – значит быть в синяках и в крови. Я натянул шапку на глаза и включил «мельницу». Это была обычная дворовая драка, которая ни к чему хорошему не приведет. Я удивился этому глумежу: куда смотрят офицеры? Но в первую очередь меня поразило то, что наши сержанты спокойно вели беседу и ни на что не обращали внимание. Такое скотское отношение к молодому составу меня шокировало. Пока мы бежали, утирая кровь и сопли, я задумался: ведь это только начало, цветочки, а ягоды будут огромными. В этот раз мне немного повезло – у меня опухло только левое ухо. А вот моему сослуживцу повезло меньше: он потерял шапку и весь оставшийся день будет заниматься физо, изо дня в день, пока не найдет её. Я бежал с ощущением того, что так надо, это по-мужски, по-спецназовски, а сержант потом добавил, что все должны нас уважать и бояться. Мы прибежали в казарму. Нас построили. «Залетного» солдата сразу отправили мыть туалет, а нам приказали вооружиться вениками, тряпками и цинками (вместо ведра), снова построиться для ознакомления с правильной уборкой расположения. Это выглядело целой наукой, которую нам необходимо было быстро освоить.

День начался с поразившей меня зарядки, а уборка казармы меня капитально напрягла – это было начало созревания «ягодок», о которых я думал. Начну по порядку, не спеша, хотя эмоции переполняют настолько, что нет слов. Первая задача молодых – это быстро, по струнке, заправить свои постели, с помощью табуретки и тапочка выровнять все углы, при этом синхронность должна быть идеальной, а торцевые углы под 90 градусов. Сержант предупреждал, что плохая заправка постелей – это первый залет, за который можно здорово «опиздюлиться» на мате.

Следующий этап: берем цинк, стругаем в него хозяйственное мыло и вручную вениками, как миксером, взбиваем до полной пены. Освоить эту науку оказалось не так-то просто, потому что вода холодная, мыло жесткое, да и пена, как снег в тридцатиградусную жару, тает на глазах, а времени на уборку всего 20 минут. Но смысл в другом: он выливает пену и ставит спичечный коробок торцом на пол – пена должна закрывать коробок, и затем её собирают тряпками. Этот процесс выполняется двумя группами: одни готовят пену, а другие смывают её. Занятие неприятное, поначалу даже немного унижительное: лазить на четвереньках под кроватями в то время, как сержант в качестве надзирателя над головой ремнём машет.

После этих злосчастных 20 минут начинается проверка, а мы стоим и молимся. Но боги на полтора года забыли о нас... Разумеется, сержант нашёл грязь, натянул нитку – кровати заправлены с браком. Пока все роты готовились к завтраку (а это около 40 минут), мы отжимались на кулаках и держали пресс, а он ходил вокруг нас и говорил, что это «всего лишь курс молодого бойца, с дедами будет вешалка». Мы держали пресс. Служащие других рот выглядели из-за кроватей, подшучивали над нами, не догадываясь о том, что мы зверели на глазах, и злость наша впоследствии будет выливаться на них, гансов, а их офицеров мы будем посылать на три веселых буквы.

Но для меня это была всего лишь служба во Внутренних Войсках, которая длилась уже 5 дней и ночей. Наша рота молодых составляла примерно 25 человек. Мы постепенно сдружились и стали как одно целое, поддерживая и помогая друг другу во всем. Я стал немного привыкать. Физически нас не обижали, хотя сержант был строг, но справедлив – мне казалось даже, что он относился к нам с пониманием. Он много нам рассказывал о службе, о своих испытаниях на пути к получению крапового берета, а также о роте, которую побаивался весь полк, зарождая своими рассказами в нас чувство гордости и уважения.

Постепенно мы начинали «расправлять крылышки», буреть. А когда мы шли в строю, нас все обходили стороной – от этого получаешь громадное удовольствие! Романтика... Но срочная служба и романтика – вещи несовместимые, а мы, молодые и бестолковые, куда-то лезем на рожон. Воспитательная работа с нами ещё продолжалась.

Опишу ещё одну важную составляющую моей службы в армии – это приём пищи. Слово «жрать» – вот подходящее слово. А жрать хотелось очень сильно. В столовую мы шли предпоследними, чтобы все роты с нашего КМБ (я их буду называть гансами) поели, и на наших местах никого не было. При входе в столовую нас все пропускали, так как шли мы плотным строем. И здесь произошёл казус. Перед нами стояла рота охраны (деды их называли рексами) – бойцы под 2 метра ростом, охранявшие периметр дивизии. Так вот они наглым образом начали теснить и зажимать нас. Недолго думая, наш сержант подошёл к их сержанту и, слово за слово, бранясь, ударил ногой в нижнюю челюсть. От такой растяжки мы обалдели. Тот, конечно, обмяк, и вся их рота сжалась в уголке и замолчала, а мы были горды за свою роту, проходя к подносам и расталкивая их строй.

Сержант Булкин строго смотрел, чтобы никто не прошёл сквозь наш строй, а то всему призыву будет «вешалка», умрем от физо. Он сказал главные слова: «Это цветочки, деды вас просто порвут». То ли пугает, то ли правда. Я как-то не особо верил этим словам, так как его наказания для нас – это уже полный ужас. Мы, смыкая ряды, поджимались, становясь похожими на один большой комок – со злыми лицами, готовыми броситься в драку в любой момент. Сержант сразу объяснил, что у нашей роты 8 столов, которые должны быть всегда свободными и, разумеется, чистыми. И, не дай Бог, к нашему приходу кто-то за ними сидит: наша реакция молниеносна, похожая на сорвавшихся с цепи псов, и уже пощады никакой!

Отстояв немного в очереди, мы стали получать от поваров еду. На завтрак была перловая каша с мясом (конечно, от мяса была только подлива), одно яйцо, кусочек масла и чай, но более-менее. Мы ели, как и все. А вот у сержанта (я даже немного обалдел от такого) была полная с верхом тарелка мяса, три яйца и два куска масла. С ним настолько мило и безропотно разговаривали повара, что мне даже показалось, попроси он целую корову – ему бы её завернули и доставили по нужному адресу. Времени поесть было немного, поэтому мы ели быстро и аккуратно, помня всегда о том, что вслед за нами придут наши деды, и столы должны быть чистыми. Спешка в еде тоже вещь опасная. Надо, чтобы все обязательно поели – в роте так принято. Если нет «залетов», глумиться не будут. Но порядок при приеме пищи был жесткий. Всё, что находилось на подносе, должно быть съедено (в основном это касалось хлеба). Ни в коем случае нельзя класть вилку и ложку, а также масло и хлеб на поднос и тем более на стол. Всё должно лежать исключительно на тарелках, а если вдруг упало, то какой бы ни был смачный кусок, поднимать его запрещалось. Захочешь поднять, чтобы никто не заметил, сыграешь в русскую рулетку – я не советую это, наказание жестокое. Сержант спокойным голосом произнес: «Я вас особо не гоняю – проблемы мне не нужны; я уже гражданский и через три недели буду дома. Я своё отгонял, вы мне не духи, а вот ваши деды вас ждут на растерзание». После таких слов почему-то стало страшно. Потом Булкин сказал о том, что если мы хотим сохранить свою честь и не опуститься, то «никогда не падайте с тылу, с фронта в столовой, и, разумеется, в туалете».

По поводу питания. Ну так принято в нашей роте – и деды питаются так же, а чтобы заслужить это, необходимо проявить жесткость и наглость, а для ясности швырнуть в повара тарелкой с пустой кашей, тогда вас и помнить будут. Но в столовой были и авторитетные повара, которые, если и работали, то только на рубке мяса или на фасовке масла. Их, конечно, надо знать в лицо, дабы не ругаться, а в лучшем случае подружиться, так как их помощь пригодится в будущем. Эту информацию мы впитывали вместе с перловой кашей и щами из кислой капусты, казавшимися нам уже вкусными и родными.

После двадцати минут приема пищи сержант в приказном тоне сказал: «Закончить прием пищи, встать на выход» – этот приказ мы выполнили моментально, без промедления, с пустым ртом и, разумеется, с пустыми карманами. Поначалу некоторые бойцы не могли справиться с постоянным голодом и набивали свои карманы оставшимся хлебом. Но сержант быстро обозначил этот серьезный залет путем скармливания залетчику двух буханок черного хлеба. А самое главное в этом уроке то, что пока он ел, сидя на стуле, мы все отжимались, а он на нас смотрел и видел наши мучения. Этот урок мне показался жестоким, но зато желание покушать вне столовой отрезало напрочь. В моей душе был какой-то восторг и росло чувство собственного достоинства. Мне казалось, что я выросел на глазах, и эта сила и энергия, скапливаясь в моем теле, вот-вот могли взорваться.

Я старался служить честно и правильно, никогда не «косил», поэтому к концу КМБ был в пятерке лидеров, а пацаны уважали и прислушивались ко мне. Для меня это было вполне естественно, ведь и на гражданке я слыл спортивным, смелым, а самое главное – справедливым парнем. Я никогда не приветствовал жестокость по отношению к людям, не умевшим постоять за себя, и они, в свою очередь, всегда могли найти защиту в моем лице. В моей голове неотступно было отцовское наставление: «Будь всегда добрым и сильным». Меня постоянно мучили вопросы: «Что дальше?», «Для чего я здесь?», «Каково моё предназначение?» Дедов мы видели раз в неделю, рано утром. Они получали обмундирование и оружие для выезда в какую-то деревню, на полигон. Моя встреча с полным составом роты ГСН произошла на тумбочке – в наряде. Все старослужащие были в красивых серо-черных зимних камуфляжах, а полугодки в зеленых робах, с измученными злыми лицами. Перед тем, как выбежать из роты, один из них подошёл и прошептал: «Нам недолго осталось, а вы, духи, будете умирать». Я ему тогда ничего не ответил, но посмотрел на него как на врага, и он это понял. Конечно, я понимал, что такое дедовщина, но до нас стали доходить слухи о беглецах и о людях, лежавших в госпиталях с разорванными селезенками, с синяками и гематомами. Я не мог понять, что происходит в армии и есть ли контроль над всем этим.

Служба шла своим чередом, и романтическое настроение быстро улетучивалось. Помимо зарядки, уборки и ежечасных физических нагрузок, мы оттачивали на плацу строевую подготовку. Это меня не напрягало, так как повезло с размером сапог, да и портянки я вязал идеально. Но мои сослуживцы корчились от боли, стирали ноги в кровь, отчего постоянно бегали в ПМП для перевязки. Но сержант им не верил, или не хотел верить, и постоянно орал, что в ГСН «косарям не место, из всего вашего призыва дослужат до дембеля, дай Бог, половина». Я в это верить не хотел, так как мы очень сдружились, и все эти трудности нас сплотили, связали одной цепью.

Однажды днем в роту заскочил полугодичник и позвал меня в туалет. Я пришёл. Со словами «Ты чё так медленно ходишь?!» он ударил меня рукой в грудь. От неожиданности у меня перехватило дыхание, и мне пришлось даже присесть, а он с довольной мордой, сука, говорит: «Вешайся!» Меня это взбесило, злости не было предела. Я не знал, что делать и как в такой ситуации себя вести: то ли догнать его, то ли промолчать. Деваться было некуда. Я прикинул, что к чему, и решил быть ещё более осторожным и внимательным во всех своих действиях.

Прежде всего, я рассчитывал на офицерский состав, который обязан следить за уставными отношениями. Тем более, по словам сержанта, нашего командира, старшего лейтенанта Сидорова, рослого и сильного мужика, боялся не только личный состав, но и все офицеры полка. Когда Сидоров заходил в расположение роты, то человек, стоявший на тумбочке, бешено орал: «Рота, смирно!», а дежурный сержант мчался к нему как угорелый и докладывал, что, где и как. Мы всё бросали и вставали в стойке смирно. Однажды Сидоров нас построил, осмотрел, выявил недостатки в одежде; спросил, не обижает ли кто, как кормят – в общем, проявил небольшую заботу. Мне он показался строгим, но справедливым.

Но однажды я увидел командира в другом амблуге. Около комнаты хранения оружия (КХО) он с громкими криками швырял по сторонам и пинал полугодку. Я насторожился и сразу вспомнил слова сержанта Булкина: «Деда будут всего лишь полсрока службы, а Сидоров до конца». Это что же нужно сделать такого, чтобы тебя так пинали? С нами в роте командир находился очень редко, и поэтому мы не напрягались. В офицерский состав входили лейтенант Гусев, а также лейтенант Гусов, который показался мне неплохим, спокойным, но деда его не уважали, так как он вышел из гансов, то есть переведен из простой роты. Но мне было всё равно, лишь бы порядок был. Это моё первое мнение о наших офицерах роты ГСН. Ошибочно оно или нет, я узнаю позже.

Время шло, мы готовились к присяге. Основная задача – подготовить парадную форму, отточить выход из строя и возвращение в него и, разумеется, оповестить всех родных и близких, чтобы приехали и посмотрели на нас здоровых и повзрослевших. Писать я не стал, ведь Рязань близко, а телефонный разговор был намного эффективнее. Трубку подняла мама. Я рассказал, что присяга будет 15 декабря, в 10:00 утра. Мама переживала, интересовалась моим здоровьем, спрашивала о проблемах. Я не стал рассказывать о наболевшем, чтобы лишней раз не волновать её. Я только попросил привезти чего-нибудь вкусенького, домашнего. От мамы я узнал, что отец нигде не работает, выпивает. Этот факт меня сильно возмутил, ведь в пьяном состоянии отец совершенно невыносим. Но мама меня успокаивала: мол, справится, не привыкать, лишь бы у меня всё было хорошо. С почты я шёл медленно. Разговор меня немного расстроил, так как родной мамин голос с неистовой силой поманил меня домой. Если бы разум приказал бежать, я бы всё бросил и помчался, что есть мочи, домой, но увы – мне оставалось 522 дня изнурительной службы в ВВ, в подразделении ГСН.

В роту я пришёл с плохим настроением, но физическая нагрузка с уже родным коллективом привела меня в чувства. В расположении мы ходили важными, с нами никто не хотел связываться, но для пущего страха перед другими я предложил двум своим друзьям побриться наголо, под лезвие. Предложение было принято, и мы, взяв новые лезвия, начали мылить голову и друг друга аккуратно брить. После этого мы стали ещё наглее, а наши лица – похожими на злых беспризорников. Сержант одобрил наше творчество, и под этот шумок все пацаны активно взялись за станки. Разумеется, мы, свободные, ходили и смеялись, так как головы у всех разные, а из-за нехватки времени начали резаться, царапать тупыми лезвиями и срезать себе родинки и прыщи. Когда нас построили, то было такое ощущение, что некоторым бойцам сделали трепанацию либо сняли скальп. В общем, смех и слёзы. Но, несмотря на это, мы казались мощной бригадой, для которой нет преград. До присяги оставалось несколько дней. Нам раздали листочки с текстом, чтобы мы читали с толком и с расстановкой, а не мямлили себе под нос. Основное время мы тратили на плацу, до изнеможения и автоматизма оттачивая марш и выход из строя – заход. Конечно, было не без приколов: кто-то постоянно тупил и путал право с лево, а сержант орал и ронял нас «с тыла, с фронта». Нас это бесило и мы, в итоге, высказали своё недовольство бестолковому. Отжиматься в шинелях на плацу не очень-то хотелось.

В эти последние деньки стали чаще навещаться деда и черпаки, которые в добровольно-обязательной форме вели беседу о домашней кухне в таком контексте: чем больше принесем в роту, тем лучше и добрее будет отношение к нам, хотя в это верилось с трудом. Однажды, перед отбоем, на вечерней проверке, сержант поставил нас в известность о переходе после присяги в роту, то есть к дедам, в две шатровые палатки, рядом со спортзалом. После получения столь хреновой новости мы начали понимать, что деда, подобно волкам, ходят вокруг нас, молочных поросят, и ждут, когда откроют ворота (а воротами считался день присяги) в наш загон. День встречи с родными был уже не радужен. В казарме и вокруг её территории начались постоянные уборки. Офицеры стали жестче и требовательнее к нам. Всё, лафа закончилась. Я начал понимать, что весь месяц мы жили между раем и адом, и в последний уже скоро шагнем и станем солдатами российской армии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Наступило 15 декабря – день нашего вступления в Вооруженные силы Российской Федерации. Утро началось по обычному распорядку. Уже неделя как зарядка проходила спокойно, без экстрима – мы должны выглядеть хорошо. После легкой уборки и завтрака нам приказали устранить все недостатки в форменной одежде, начистить сапоги и ждать распоряжения от командира роты. У кого-то из бойцов оказался фотоаппарат, и мы начали фотографироваться. Находясь в бешеном состоянии, мы все же были веселые, жизнерадостные, не зная о том, что присяга – это неофициальное подписание договора об отдаче души и тела офицерам и дедам. Это намного хуже, чем дьяволу, так как от последнего ты всегда получаешь взамен что-то хорошее, а здесь такого нет. В данной ситуации ты просто «ноль». Эти убогие полтора года ты принадлежишь группе людей, которые могут сделать с тобой всё, что угодно – от унижения до полного уничтожения личности. И весь смысл моей службы – противостоять этому беспределу, а также безнаказанности государственной машины.

Ко мне собиралась приехать мама. По телефону она сообщила, что отец приехать не сможет в связи с кончиной бабушки в городе Белёв Тульской области. Как жаль, что я не смог с ней даже попрощаться.

Мы строем вышли из казармы. На плацу нас ждали покрытые красным полотном столы. Погода была ветреная, но, тем не менее, праздничная. Родители стояли в стороне. В толпе я увидел маму с уставшим лицом. Мы стояли молодые, подтянутые и повзрослевшие. Глядя на нас, родные радовались, думая, как удачно их дети попали служить. Но это была хорошо загримированная маска, не более того. После того, как все расписались и поклялись служить России, нам дали увольнение до 18:00. Нас распустили. Мамка меня обняла, поцеловала. Я

взял тяжелую сумку, и мы потихонечку побрели в комнату для приема домашней пищи, пребывая в разговорах.

Главная задача в первые часы встречи – как следует покушать. Мама, как всегда, виртуозно накрыла стол. Глаза разбегались от её скатерти-самобранки. Я готов был съесть всё, даже вместе с пакетами. Но за месяц желудок настолько уменьшился, что после заглатывания куска курицы голод пропал, и весь мамин стол я ел в основном глазами. Но, наверное, это и к лучшему – больше принесу дедам, может, и правда полегче будет. Мое желание легко служить было сразу обрезано на корню, после того как я протянул руку с горстью конфет своему сержанту-деду. Он холодно отказался, а в его глазах я прочитал такое зло и ненависть, что стало не по себе. Я сравнил эту столовую с тем, как откармливают в деревнях поросят для дальнейшего приготовления холодца и котлет. А мы все сидели, не догадываясь о том, какой фарш из нас будет через 6 часов.

Мои мысли о дальнейшей службе перебивал мамин голос. Она рассказывала об отце, о его увольнении с работы, о задержке зарплаты на 8 месяцев, о банкротстве заводов, о повальной безработице и бандитизме. Конечно, я ругал отца: «Надо что-то делать, а то так вообще сопьется без работы, как многие его друзья». Мы долго беседовали и гуляли по дивизии. Я показал маме красивый микрорайон, а уже к вечеру пришло время прощаться. Расставание было крайне тяжелым, со слезами и добрыми пожеланиями удачи, ведь нехватка свободы и душевного покоя ощущалась у каждого из нас, и это сильно сближало мать и сына.

Под надзором сержанта я и мои сослуживцы пошли к дедам в шатры, с полными до краев сумками. После разговора с мамой я витал в облаках: я шёл и почему-то думал о дембеле; мне так хотелось домой, что и словами трудно описать. Такое ощущение, будто разум и душа готовы оторваться от тела и мчаться со скоростью света подальше отсюда. Грубый голос сержанта вернул меня к реальности. Честно говоря, я поймал себя на мысли, что перед тем, как зайти в расположение, меня охватил озноб и страх перед неизвестностью – как в клетку к тиграм. Теперь я собственными глазами увидел эти четыре выгоревших на солнце шатра с заплатками, местами грязными от брызг, два из которых принадлежали роте спецназа, а два – роте разведки. С молодыми разведчиками у меня сложились хорошие отношения, мы были в одном расположении на КМБ. Но им повезло: у тридцати молодых бойцов всего два добрых, не напрягающих никого деда, – я так завидовал. Но хватит о зависти, вернемся к тиграм. Мы зашли. Нас уже ждали с большим восторгом и «умилением».

Деда сидели на деревянных нарах, словно цари на тронах, в предвкушении ритуального подношения пищи. Два шатра означали первый и второй взводы. Меня сразу забил второй. Нас отсортировали, как шпроты. Между взводами ощущалось сильное соперничество, и этот факт в дальнейшем повлияет на дружбу молодых бойцов. Я был взволнован, мысли бегали туда-сюда, не мог сосредоточиться, хотя в глубине души я настраивал себя на ближайшую победу над собой. Внутри было довольно чисто, тепло и сухо, посередине стояла печь буржуйка. Возле печи сидел истопник – это на полгода старше нас черпак – весь копченый, худой и замученный.

После нашего появления все оживились. Молодые, свежие, девственные души и нежные сердца отдавались на растерзание волкам, а на лице измученного истопника я увидел огромную улыбку, радость и искру в глазах. Теперь им будет намного легче, так как метаться и выполнять всю работу будем теперь мы, молодые духи. Мы зашли, построились. Нас начали рассматривать и спрашивать о том, кто и откуда родом, как фамилия и каким видом спорта занимались. Один встал и подошёл для проверки формы одежды и сразу схватился за ремень, чтобы проверить, как тот натянут. Но, разумеется, после КМБ и расслабленного дня он просто висел. И тут началось: пресс, словесные оскорбления, что мы душары, и угрозы, что теперь нас ожидает настоящий ад. Мы быстро подтянули ремни, но этого было недостаточно. Нам приказали ещё снять и застегнуть их по голове таким образом, чтобы размер ремня в застегнутом состоянии был от подбородка до темечка. Разумеется, застегнуть ремень именно так смогли не все, и деда

со злыми лицами начали орать и обещать, что через 3 дня они застегнутся. Проверивший наши ремни младший сержант начал отрабатывать на нас технику удара руками и ногами, не касаясь нас, на расстоянии около 5 сантиметров, а мы испуганно дергались и думали, что он ударит. Мы производили впечатление котят, попавшихся в свору псов. До этого момента я никогда ранее не испытывал такого страха и паники от безвыходности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.